

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Трое
на один стул

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Тодхантер Стаут

Трое на один стул

Серия «Ниро Вульф»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66877148
Рекс Стаут Трое на один стул:
ISBN 978-5-389-20638-0

Аннотация

Ниро Вульф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

В сборник вошли три повести об очередных делах знаменитого сыщика.

Содержание

Окно смерти	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рекс Стаут

Трое на один стул

Rex Stout

THREE FOR THE CHAIR

Copyright © 1955, 1956 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown

UK

and The Van Lear Agency

All rights reserved

© Е. А. Копосова, перевод, 2014

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Окно смерти

Глава 1

Ниро Вулф сидел за письменным столом и хмурился, глядя на посетителя в красном кожаном кресле. Я, развернувшись спиной к своему столу, держал блокнот наготове и не хмурился.

Мрачным Вулф был отчасти из природной предрасположенности, но главным образом потому, что Дэвид Р. Файф не позвонил заранее, чтобы договориться о своем визите. Кажалось бы, не так уж это и важно. Вот наш кабинет на первом этаже старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице. Вот Вулф, сидит в своем любимом кресле и точит перочинный ножик на старом оселке, который хранит в ящике стола. Вот я, Арчи Гудвин, горю желанием отработать свое жалованье, исполняя любой каприз Вулфа – в рамках разумного. Вот Фриц Бреннер, может на кухне посуду после обеда, готовый по сигналу – один короткий звонок и один длинный – принести пива. Вот Теодор Хорстман, ухаживает в оранжерее на крыше за десятками орхидей. И вот в красном кожаном кресле посетитель, которому явно нужны услуги частного детектива, а иначе зачем ему сюда приходить. Если бы не он и подобные

ему люди, пришлось бы Фрицу, Теодору и мне околачивать-ся в поисках работы, а что делал бы Вулф – одному Богу известно. И тем не менее Вулф недовольно хмурился, глядя на посетителя. Перед тем как явиться на прием, ему следовало сначала договориться по телефону.

А Дэвид Файф сидел в красном кожаном кресле, подавшись вперед, узкие плечи поникли, узкое бледное лицо осунулось. На вид я дал ему лет пятьдесят, но люди, которых обстоятельства вынуждают обращаться к частным детективам, часто выглядят старше своих лет. Сообщив нам усталым, настороженным голосом свое имя, адрес и род занятий – заведующий кафедрой английского языка в старшей школе Одюбона в Бронксе, – он сказал, что хочет попросить Вулфа расследовать одно семейное дело.

– Супружеское? – Вулф издал звук под стать мрачному взгляду. – Нет.

– Оно не супружеское, – покачал головой Файф. – Я вдовец; у меня двое детей – старшекласники. Речь идет о моем брате Бертраме... о его смерти. Он скончался в субботу ночью от пневмонии. Тут нужно... Мне придется объяснить все с самого начала.

Вулф глянул на меня, и я понял, что у него на уме. Если он позволит Файфу все рассказать, то, возможно, ему придется взяться за работу, а он ненавидит работать, особенно когда на счету в банке достаточно денег. Но я слегка сжал губы в ответ на его взгляд, и Вулф, вздохнув, обратился к

посетителю:

– Прошу вас.

Файф приступил к рассказу, а я стал за ним записывать. Его брат Бертрам появился в Нью-Йорке месяц назад – внезапно, без предупреждения, после двадцати лет отсутствия. Он снял апартаменты в отеле «Черчилль тауэр» и связался со своими родными – старшим братом Дэвидом, тем самым, который вел рассказ, младшим братом Полом и сестрой Луизой, в замужестве миссис Винсент Таттл. Они все, включая мужа сестры, рады были вновь увидеться с ним после стольких лет разлуки. Порадовала их и новость о том, что Бертрам сумел-таки сорвать банк – нашел золотую жилу, как выразился Дэвид: он разведal и записал на себя четырехмильный участок месторождения урана неподалеку от местечка под названием Блэк-Элбоу где-то в Канаде. Всегда приятно знать, что в твоей семье кому-то повезло.

Итак, они с распростертыми объятиями приняли Бертрама – своего брата Берта, а с ним и молодого человека по имени Джонни Эрроу. Они вместе приехали из Канады и вместе поселились в «Черчилль тауэре». Берт вел себя вполне породственному и с удовольствием вспоминал прошлое. Он даже попросил Пола, который работал агентом по недвижимости, разузнать о возможности покупки старого дома в Маунт-Киско, где все они родились и провели детские годы. Судя по всему, Берт намерен был вернуться в семью. Десять дней назад, шестого числа, в субботу, он пригласил их всех при-

ти на обед, а потом сходить в театр, но, увы, в четверг слег с пневмонией. Ложиться в больницу Берт отказался наотрез и настоял, чтобы они пообедали в его апартаментах, как планировалось, и не дали пропасть билетам в театр. Так что в субботу, ближе к вечеру, они собрались у Берта и выполнили всю намеченную программу, а после спектакля опять зашли к нему, чтобы выпить шампанского.

Точнее, в театр пошли не все, а только четверо: сестра Луиза с мужем, Джонни Эрроу из Канады и сам Дэвид. Младший брат Пол заявил, что негоже бросать Берта одного на попечение сиделки, и остался с ним в апартаментах. Когда эти четверо вернулись, посмотрев пьесу, к Берту, то застали странную ситуацию. Пол отсутствовал, а у сиделки был разорван халат и на щеках, шее и руках виднелись следы борьбы. Она уже позвонила доктору, чтобы тот прислал другую сиделку, и намеревалась уходить, как только прибудет замена. Сестре Луизе не понравились кое-какие замечания сиделки, поэтому она велела девушке покинуть апартаменты немедленно, и та ушла. Луиза сама перезвонила доктору и сказала, что дождется прихода новой сиделки. Джонни Эрроу исчез, то есть на месте событий остались только Дэвид и Луиза с мужем, Винсентом Таттлом. Дэвид наведалься в комнату Берта, увидел, что брат крепко спит после укола морфина, который сделала ему сиделка по предписанию доктора, и отправился домой.

Луиза и Таттл устроились на ночь в комнате, которую, су-

дя по всему, занимал Джонни Эрроу, но еще не заснули, когда в дверь позвонили. Таттл поднялся, чтобы открыть. Это был Пол. Младший брат заявил, что в баре на первом этаже отеля его избил Джонни Эрроу, и в доказательство продемонстрировал разнообразные синяки. Эрроу, сказал Пол, увели двое полицейских. По мнению Пола, у него была сломана челюсть и, возможно, пара ребер, поэтому он не решился сесть за руль, чтобы ехать домой в Маунт-Киско. Тогда его уложили на диване в гостиной, и через тридцать секунд он уже вовсю храпел. Еще раз заглянув в комнату Берта, Луиза и Таттл вернулись в кровать. Около шести часов утра их разбудил Пол. Сам он проснулся оттого, что свалился с дивана, после чего решил посмотреть, как там Берт, и обнаружил, что тот мертв. Они позвонили портье с просьбой позвать здешнего врача. Вообще-то, Берта лечил, по его настоянию, их старый семейный доктор, но ждать, когда тот доберется на Манхэттен из Маунт-Киско, не было времени. Конечно, его тоже сразу же известили, и он приехал, только позднее.

Вулф начал ерзать. Ерзает он так: пальцем выводит на подлокотнике кресла кружки размером с мелкую монету.

– Смею надеяться, – буркнул он, – что заключения врачей оправдывают ваш визит ко мне и этот пространный рассказ. Или хотя бы заключение одного из них.

– Нет, сэр, – отрицательно качнул головой Дэвид Файф. – Они не обнаружили ничего дурного. Мой брат умер от пнев-

монии. Доктор Буль – наш старый доктор из Маунт-Киско, доктор Фредерик Буль, – подписал свидетельство о смерти, и мы похоронили брата в понедельник, то есть вчера, на семейном участке на кладбище. Конечно, уход сиделки сделал ситуацию... гм... неловкой, но серьезных вопросов это не вызвало.

– Так какого дьявола вы хотите от меня?

– Я как раз подошел к этому. – Файф прочистил горло, и, когда заговорил снова, в его голосе слышалось еще больше настороженности, чем раньше. – Вчера, после похорон, Джонни Эрроу попросил нас прийти в апартаменты к одиннадцати часам сегодняшнего утра, чтобы присутствовать при оглашении завещания, и мы, разумеется, пришли. Луиза привела с собой мужа. Там был адвокат по фамилии Макнил, который прилетел из Монреаля. Завещание было у него. Написано завещание было обычной юридической абракадаброй, но сводилось оно к тому, что Берт оставляет все свое состояние Полу, Луизе и мне, а душеприказчиком назначает своего канадского приятеля Эрроу. Размер состояния в завещании не был обозначен, но из того, что говорил Берт, я предположил, что его урановые владения могли стоить миллионов пять, а то и в два раза больше.

Вулф перестал ерзать.

– Затем, – продолжал Файф, – адвокат достал из своего портфеля еще один документ. Он сказал, что это копия договора между Бертрамом Файфом и Джонни Эрроу, состав-

ленного год назад по их инициативе. Он зачитал его. В преамбуле говорилось о том, что партнеры пять лет вместе искали уран и вместе обнаружили ту жилу в Блэк-Элбоу, а суть состояла в том, что если один из них скончается, то все месторождение перейдет в собственность того, кто останется в живых, включая имущество, приобретенное покойным на доходы от разработки жилы. Формулировки там были иные, как положено в юридических текстах, однако смысл именно таков. Как только документ был дочитан, Джонни Эрроу заявил, что все, чем владел Берт, было приобретено на доходы от урана из Блэк-Элбоу и что теперь это имущество полностью принадлежит ему, в том числе крупные вклады в канадских банках. Затем Эрроу добавил, что, собираясь в Нью-Йорк, Берт перевел в нью-йоркский банк тридцать или сорок тысяч долларов и что он, Эрроу, не будет претендовать на то, что осталось от этой суммы. Этот остаток и есть то состояние, на которое мы можем рассчитывать.

Дэвид сдержанно развел руками:

– Я счел, что со стороны Эрроу это был великодушный поступок, ведь он вполне мог бы потребовать, чтобы и эту сумму отдали ему. Мы задали адвокату несколько вопросов, после чего распрощались с ним и с Эрроу и отправились в ресторан на ланч. Пол рвал и метал. У моего брата Пола, знаете ли, вспыльчивый характер. Он хотел обратиться в полицию, сказать, что Берт скончался при странных обстоятельствах, и попросить провести расследование. Его теория состояла в

том, что Эрроу, увидев, как сближается Берт с родственниками, стал опасаться: не начнет ли его товарищ делать щедрые подарки семье, не отдаст ли нам долю в рудниках. По договору подаренное имущество не перешло бы к Эрроу в случае смерти Берта, и тогда якобы Эрроу решил, что Берт должен умереть немедленно. Винсент Таттл, муж моей сестры, возразил, что, даже если эта теория верна, Эрроу не успел исполнить свои намерения, ведь два компетентных врача согласны в том, что Берт скончался от пневмонии. Мы с Луизой поддерживали Таттла, однако Пол стоял на своем и намекал на то, будто ему известно нечто такое, о чем мы не в курсе. Впрочем, он всегда любил напустить таинственности. Итак, он продолжал тянуть нас в полицию, мы возражали, и наконец я предложил компромисс – обратиться не в полицию, а к Ниро Вулфу и попросить его, то есть вас, расследовать смерть брата со следующим условием: если вы решите, что есть основания привлечь полицию, тогда мы сделаем так, как требует Пол. Ну а если, по-вашему, таких оснований нет, тогда Пол выкинет из головы эту идею. Пол сказал, что он примет ваш вывод, и вот я здесь. Мы знаем, ваши услуги стоят дорого, но наше дело не потребует чересчур... гм... Я хочу сказать, что оно не кажется излишне сложным. Здесь все достаточно просто, как на ваш взгляд?

- Может быть, – хмыкнул Вулф. – Вскрытие проводилось?
- Нет, нет, что вы. Боже упаси!
- Оно должно было стать первым шагом, но теперь без

полиции уже ничего не сделать. До захоронения вскрытие можно было объяснить медицинской необходимостью, а для эксгумации потребуется решение властей. Если я правильно понял, вы хотите, чтобы я провел расследование и сделал вывод относительно целесообразности обращения в полицию.

– Именно так, все верно, – энергично закивал Файф. – Скандал нам не нужен. Мы не хотим, чтобы пошли всякие слухи...

– Этого мало кто хочет, – сухо заметил Вулф. – Но вы должны отдавать себе отчет в следующем: нанимая меня, вы сами можете спровоцировать скандал. Вы, несомненно, понимаете, что если я обнаружу свидетельства грязной игры, то не в вашей власти будет решать, скрывать их или предавать огласке. Я не стану прятать улики, указывающие на убийство, если таковые найдутся. Если в результате моего расследования окажется, что вы сами совершили преступление, то я вправе буду действовать так, как сочту необходимым.

– Конечно. – Файф попытался изобразить улыбку, и у него это почти получилось. – Я ведь знаю, что никакого преступления не совершал, и сомневаюсь, что преступление вообще имело место. У моего брата Пола слишком буйное воображение. Вы захотите встретиться с ним, как я понимаю, и он тоже этого захочет.

– Я захочу встретиться со всеми, – угрюмо пробурчал Вулф. Работа. Он ухватился за соломинку. – Учитывая обстоятельства, я вынужден попросить об авансе в знак чест-

ности ваших намерений. Скажем, чек на тысячу долларов.

Попытка была не такой уж безнадежной, ведь у заведующего кафедрой английского языка с двумя подростками на иждивении могло и не оказаться лишней тысячи, и тогда сделка не состоялась бы. Однако Файф даже не думал сбивать цену. Он, правда, глотнул воздуха, услышав цифру, и потом еще раз, когда вынул чековую книжку с ручкой и выписал чек. После того как он поставил свою подпись, я поднялся, принял протянутый мне чек и передал его Вулфу.

– Дороговато, – произнес Файф, не жалуясь, а просто констатируя факт, – но ничего не поделать. Иначе Пол не успокоится. Когда вы планируете встречу с ним?

Вулф глянул на чек и положил его под пресс-папье – кусок иссохшей древесины, которым однажды человек по фамилии Дагган проломил своей жене череп. Потом Вулф посмотрел на настенные часы. Оставалось двадцать минут до четырех часов, а это время его ежедневного визита в оранжерею.

– Сначала, – сказал он Файфу, – я должен поговорить с доктором Булем. Вы сможете пригласить его сюда к шести часам?

На лице Дэвида отразилось сомнение.

– Ну, я попробую. Ему придется ехать из Маунт-Киско, и он занятой человек. А нельзя ли как-нибудь без него? Он констатировал смерть, и репутация у него отменная.

– Без него проводить расследование невозможно. Я дол-

жен увидеть его до того, как займусь остальными. Если он сможет прибыть сюда к шести часам, договоритесь, чтобы другие участники подъезжали к половине седьмого. Я имею в виду ваших брата и сестру, а также мистера Таттла и мистера Эрроу.

Файф изумленно уставился на Вулфа.

– Ради бога, только не Эрроу! – запротестовал он. – Да он и не согласится. – Файф замотал головой. – Нет. Его я звать не буду.

Вулф пожал плечами:

– Тогда я сам его приглашу. К тому же... Да, так будет лучше. Дело может затянуться, а я обедаю в половине восьмого. Если вы сумеете устроить так, чтобы доктор Буль был здесь к девяти часам, тогда приводите остальных к половине десятого. Таким образом, если понадобится, мы сможем задержаться. В нашем распоряжении будет целый вечер. Кое-что мы с вами, мистер Файф, могли бы обсудить прямо сейчас, например, ту ситуацию, которую вы застали в апартаментах после возвращения из театра, а также примирение вашего брата Бертрама с родственниками. Но у меня назначена встреча, а кроме того, все это можно будет обговорить во всех деталях сегодня вечером. А пока дайте, пожалуйста, мистеру Гудвину адреса и телефоны тех, кто имеет отношение к делу.

С этими словами Вулф наклонил свое необъятное туловище вперед, дотянулся до перочинного ножа и стал осторожно

водить им по оселку. Поскольку его прервали посреди процесса, Вулф был намерен во что бы то ни стало закончить начатое.

– Я ведь описал ту ситуацию, – сказал Файф более резким тоном, – и даже не стал скрывать, что, возможно, Пол остался в апартаментах с целью приударить за сиделкой. Его методы ухаживания за женщинами я нахожу совершенно неприемлемыми. Как я уже говорил, он вспыльчив.

Подушечкой большого пальца Вулф вдумчиво проверял остроту лезвия.

– И почему вы считаете нужным обсуждать примирение Берта с родней? – поинтересовался Файф.

– Потому что вы употребили это слово. – Вулф продолжил заточку. – Раз речь идет о примирении, значит была ссора. Возможно, это направление не имеет отношения к делу, но то же самое верно и в отношении большинства направлений в любом расследовании. Все это вполне может подождать до вечера.

– Это давнее дело, – нахмурился Файф, и резкость в его голосе снова сменилась настороженностью. – И вероятно, оно-то как раз имеет отношение к делу, поскольку частично объясняет позицию Пола. А еще, я полагаю, мы крайне чувствительны к любому намеку на скандал. Для нас пневмония – щекотливая тема. Двадцать лет назад от пневмонии скончался наш отец, однако полиция подозревала, что его убили, да и не только полиция. Он лежал в спальне на первом

этаже нашего дома в Маунт-Киско, и дело было в январе. Однажды разразилась сильная метель, а кто-то открыл в его спальне два окна и оставил их распахнутыми на всю ночь. В пять часов утра я застал отца уже мертвым. На полу намело сугробы высотой почти с фут, снег был даже на кровати. В ту ночь за отцом присматривала Луиза, но она крепко спала на диване в соседней комнате и ничего не слышала. Полагали, что кто-то подсыпал снотворное в горячий шоколад, который она выпила в полночь, но доказательств не нашли. Окна не были заперты на щеколду, то есть их могли открыть и снаружи – скорее всего, так и было. Мой отец занимался недвижимостью и был довольно жестким дельцом, так что в округе имелись люди, которые... гм... которые недолюбливали его.

Файф снова развел руками:

– Как видите, налицо определенное совпадение. К несчастью, мой брат Берт – тогда ему было всего двадцать два года – поссорился с отцом и больше не жил с нами. Он поселился в меблированных комнатах примерно в миле от нашего дома и устроился на работу в автомастерскую. Полиция сочла, что нашла достаточно улик, чтобы арестовать его за убийство, и дело передали в суд. Однако этих улик все же не хватило, потому что его оправдали. Более того, у него имелось алиби. В ту ночь он до двух часов играл в карты со своим приятелем Винсентом Таттлом – тем самым, который позднее женился на нашей сестре, – в комнате Таттла в том же пансионе.

Так как метель прекратилась вскоре после двух часов, окна должны были открыть задолго до этого. Во время суда нам – Полу, Луизе и мне – пришлось давать свидетельские показания, и Берту кое-какие наши слова не понравились, хотя мы говорили только правду и только то, что и так было известно, в частности, о его ссоре с отцом. О ней все знали. На следующий же день после оправдательного приговора Берт покинул город, и мы больше не слышали о нем. Ни слова за двадцать лет. Вот почему я употребил слово «примирение».

Вулф опустил ножик в карман и убрал оселок на место, в ящик стола.

– На самом деле, – продолжал Файф, – Эрроу ошибался, говоря, будто у Берта нет ничего, кроме того, что он приобрел на доходы от уранового месторождения. Берт так и не получил свою долю в отцовском наследстве, так как его не смогли найти, а мы не обращались в суд с просьбой распределить ее между нами. Завещанная ему четверть состояния в то время оценивалась примерно в шестьдесят тысяч долларов, а теперь эта сумма удвоилась. Конечно, теперь ее получим мы – Пол, Луиза и я, но, честное слово, никакой радости нам это не принесет. Не буду скрывать, мистер Вулф, мне жаль, что Берт вернулся. Его появление вскрыло старые раны, а теперь вот он умер, и то, как все случилось, и Пол со своими...

Было уже без одной минуты четыре, и Вулф отодвигал от стола кресло, чтобы встать.

– Да-да, мистер Файф, – согласился он. – Живой причинял неприятности, и от мертвого одни проблемы. Пожалуйста, сообщите мистеру Гудвину все данные и позвоните, когда договоритесь насчет вечера.

И он направился к двери.

Глава 2

Наведение справок часто оказывается полезным даже в тех случаях, когда в этом вроде бы нет необходимости. Вот почему сразу после ухода Файфа я обзвонил свои источники и стал обладателем скудных сведений сомнительной ценности. Дэвид преподавал в старшей школе Одиубона двенадцать лет, из них четыре года возглавлял кафедру английского языка. Агентство недвижимости Пола в Маунт-Киско не то чтобы процветало, но и банкротство ему, по-видимому, не грозило. Аптека, где работал Винсент Таттл, расположенная также в Маунт-Киско, принадлежала ему самому и считалась преуспевающим заведением. Дэвид не знал ни адреса, ни телефонного номера сиделки, только то, что ее звали Энн Горен, но Вулфу нужны были все, в том числе и эта Энн Горен, поэтому я отыскиал ее имя в телефонном справочнике Манхэттена в разделе «Лицензированные сиделки». Первые два раза, когда я набрал ее номер, линия была занята, а следующие три раза никто не ответил. Не смог я дозвониться и до Эрроу. Звонки в отель «Черчилль тауэр» поступали на коммутатор, и я оставил для Эрроу сообщение с просьбой перезвонить, после чего сам позвонил ему еще раз шесть. Наконец, буквально за несколько минут до того, как Фриц позвал нас на обед, я разыскал Тима Эвартса, штатного детектива, а для вас – сотрудника службы безопасности отеля,

и задал ему несколько деликатных вопросов. Ответы были как «за», так и «против». «За»: Эрроу оплачивал апартаменты класса люкс, а работники бара и ресторана ему симпатизировали, особенно за щедрые чаевые. «Против»: в субботу вечером Эрроу изрядно поколотил одного парня и пришлось вызывать полицию, чтобы утихомирить его. Тим сказал, что с точки зрения техники это было прекрасное выступление, однако бар отеля – не место для демонстрации приемов.

Потом позвонил Файф и сообщил, что обо всем договорился. В девять часов вечера, ко времени прибытия доктора Фредерика Буля, мы с Вулфом уже расправились с четырьмя фунтами мусса из лосося, приготовленного по рецепту самого Вулфа, и с летним салатом и перешли в кабинет. Звонок в дверь заставил меня отправиться в прихожую. Там я включил свет и всмотрелся через одностороннюю стеклянную панель на входной двери, желая узнать, кто стоит на крыльце. То, что я увидел, явилось для меня двойным сюрпризом. Во-первых, доктор Буль, если это был он, оказался не дряхлым, потертым сельским лекарем, а импозантным седовласым мужчиной, который держался очень прямо и был отменно одет. Во-вторых, с ним была молодая особа, тоже очень видная – ее достоинства бросались в глаза даже на расстоянии и невзирая на помеху в виде стеклянной панели.

Я отворил им дверь. Мужчина отошел в сторону, пропуская даму, и затем последовал за ней со словами, что он – доктор Буль и что у него назначена встреча с Ниро Вулфом.

Благородные седины доктора не были покрыты шляпой, так что, не задерживаясь у вешалки, я провел их в кабинет. В дверях доктор помедлил, чтобы осмотреться, затем прошагал к столу Вулфа и напористо произнес:

– Я Фредерик Буль. Меня попросил приехать сюда Дэвид Файф. Что вообще происходит?

– Понятия не имею, – едва слышно произнес Вулф; после еды он обычно говорит тихо, если только его не выведут из себя. – Меня наняли, чтобы я это выяснил. Присаживайтесь, сэр. А эта молодая дама?

– Это сиделка. Мисс Энн Горен. Садитесь, Энн.

Она уже расположилась в кресле, которое я ей придвинул. Мое мнение о Поле Файфе претерпело изменения. Может, он и проявил излишнюю вспыльчивость, но соблазн был поистине велик. А следы борьбы на ее шее и щеках были, должно быть, поверхностными, поскольку никаких шрамов я не заметил. И думаю, белый халатик сиделки провоцирует куда сильнее, чем синее хлопчатобумажное платье под жакетом-болеро в тон. Но даже и в синем хлопчатобумажном платье я мог бы... но опустим это. Она же пришла сюда по делу. За кресло она поблагодарила меня холодно, без улыбки.

Доктор Буль, устроившись в красном кожаном кресле, потребовал объяснений:

– Ну так в чем дело?

– Разве мистер Файф не объяснил вам? – спросил Вулф.

– Он сказал, что Пол считает смерть Берта подозрительной и хочет идти в полицию, а Луиза, Дэвид и Винсент Таттл не в силах его отговорить. Поэтому они согласились, что попросят вас провести расследование и примут ваше решение. Дэвид повидался с вами, и вы настояли на том, чтобы побеседовать со мной. Считаю, что в этом нет никакой необходимости. Я уважаемый специалист, и я подписал свидетельство о смерти, вызванной пневмонией.

– Да, я в курсе, – прошелестел Вулф. – Но, если от меня ждут окончательного решения, оно должно быть хорошо обоснованным. У меня и в мыслях не было сомневаться в правомерности выписанного вами свидетельства о смерти, тем не менее несколько вопросов я хотел бы вам задать. Когда вы в последний раз видели Бертрама Файфа живым?

– В субботу вечером. Я провел с ним полчаса и ушел в двадцать минут восьмого. Его родственники были там же, обедали в гостиной. Ложиться в больницу Берт отказался. Я установил ему кислородную палатку, но он постоянно срывал ее, не хотел лежать под ней, и все тут. Я так и не сумел уговорить его, как не сумела и мисс Горен. У Берта были сильные боли, по крайней мере, он так говорил, но температура опустилась до ста двух градусов. Вообще он был трудным пациентом. Никак не мог заснуть, и я попросил сиделку ввести ему четверть грана морфина, как только разойдутся гости, и если этого окажется недостаточно, то через час повторить. Предыдущим вечером он также получил полграмма.

– Затем вы вернулись в Маунт-Киско?

– Да.

– Вы предполагали, что той ночью он может умереть?

– Конечно нет.

– Значит, вы удивились, когда в воскресенье утром вам сообщили, что он скончался?

– О да. – Буль обхватил ладонями подлокотники кресла. – Мистер Вулф, я терплю это только потому, что обещал Дэвиду Файфу. Вы ведете себя глупо. Мне шестьдесят. Я практикую уже тридцать с лишним лет, и добрая половина моих пациентов удивила меня тем или иным образом: у одного слишком сильное кровотечение, у другого слишком слабое, у кого-то аллергия на аспирин, у кого-то нет температуры, хотя анализ крови говорит об обратном, кто-то живет, когда по всем статьям должен умереть, а кто-то умирает при благоприятном прогнозе. Такова судьба врача общей практики. Да, смерть Бертрама Файфа стала неожиданностью для меня, но подобных случаев было достаточно. Я очень тщательно осмотрел тело через несколько часов после кончины и не обнаружил ничего, что заставило бы меня сомневаться в причине смерти. Поэтому я выписал свидетельство.

– Почему вы осматривали тело очень тщательно? – по-прежнему едва слышно спросил Вулф.

– Потому что сиделка оставила его одного посреди ночи – была вынуждена оставить – и я не сумел быстро найти замену. Мне удалось договориться лишь о том, чтобы другая си-

делка пришла к семи часам утра. При таких обстоятельствах я счел разумным провести более тщательный осмотр.

– И вы абсолютно убеждены, что причиной смерти стала пневмония и что не было никаких способствующих факторов?

– Нет, конечно же нет. Абсолютная убежденность – редкость в моей профессии, мистер Вулф. Но я достаточно убежден, что у меня были все основания констатировать смерть от естественных причин и выписать свидетельство. Имелись все признаки того, что Бертрам Файф, говоря языком обывателей, умер от пневмонии. Я не играю словами. Много лет назад другой мой пациент также скончался от пневмонии, только это случилось холодной зимней ночью в комнате, где кто-то оставил открытыми окна. В случае же с Бертрамом Файфом стояла жаркая летняя ночь и окна были закрыты. Апартаменты оборудованы кондиционером, и я велел сиделке поддерживать в комнате восемьдесят градусов, поскольку пациенты с пневмонией должны находиться в тепле. Она так и делала. Для того пациента, о котором я упоминал, распахнутые окна и метель действительно стали способствующими факторами, но в случае с Бертом таких факторов не было.

– Вы превосходно разъяснили этот вопрос, доктор, – одобрительно кивнул Вулф, – однако из сказанного вами возникает новый. Кондиционер. Что, если после ухода сиделки кто-то повернул регулятор температуры в крайнее – самое

холодное – положение? Остыла бы тогда комната настолько, чтобы вызвать смерть вашего пациента, когда вы предполагали, что он выздоровеет?

– Я бы сказал, что нет. Такую возможность я тоже рассматривал. Мистер и миссис Таттл заверили меня, что не прикасались к регулятору и что температура в комнате оставалась ровной. В любом случае в столь жаркую ночь кондиционер не смог бы опустить температуру до критического уровня. Тем не менее я хотел все проверить, ведь сиделки при больном не было, и я попросил персонал отеля провести эксперимент в субботу вечером, прямо в той комнате, где все случилось. После того как кондиционер проработал в режиме охлаждения шесть часов, температура в комнате опустилась всего лишь до шестидесяти девяти градусов. Для человека с пневмонией, даже хорошо укрытого, это слишком холодно, но точно не смертельно.

– Понятно, – пробормотал Вулф. – Вы не стали полагаться на заверения мистера и миссис Таттл.

– Мне кажется, вы несправедливы. – Буль улыбнулся. – Я полагался на них в не меньшей степени, чем вы полагаетесь на меня. Я проявил скрупулезность. Я вообще скрупулезный человек.

– Прекрасное качество. Я им тоже обладаю. Не было ли у вас подозрений – с поводом или без, – будто кто-то сумел использовать пневмонию, чтобы убить вашего пациента?

– Нет. Я просто проявил скрупулезность.

– Хорошо, – кивнул Вулф.

Он издал протяжный вздох и, когда закончил, повернул голову, чтобы сосредоточиться на сиделке. Во время беседы она, положив руки на колени, сидела с прямой спиной и поднятым подбородком. Мне достался ее профиль. Существует не так много женских подбородков, которые выглядят безупречно как спереди, так и сбоку.

– Всего один вопрос, мисс Горен, или два, – обратился к ней Вулф. – Вы согласны со всем, что рассказал сейчас доктор Буль, – со всем, что вам известно?

– Да, согласна. – Голос у нее оказался сипловатым, но ей пришлось долго молчать, может, в этом дело.

– Насколько мне известно, пока все были в театре, Пол Файф пытался оказывать вам знаки внимания, которые вы отвергли. Это верно?

– Да.

– Не помешало ли общение с мистером Полом Файфом исполнению ваших обязанностей? Не пострадал ли от этого ваш пациент?

– Нет. Пациент крепко спал под воздействием снотворного.

– Не хотите ли вы добавить что-либо или уточнить? Дэвид Файф нанял меня, чтобы выяснить, есть ли основания обращаться в полицию в связи со смертью его брата. Нет ли у вас каких-то сведений, которые могли бы помочь мне?

Энн Горен на мгновение отвела глаза, чтобы глянуть на

Буля, потом снова посмотрела на Вулфа.

– Нет, – ответила она и поднялась. Конечно, сиделкам положено вставать со стула, не производя шума, но она буквально взлетела. – Это все?

Вулф не ответил, и она двинулась к выходу, Буль тоже встал. Но, когда Энн Горен была уже на полпути к двери, Вулф окликнул ее, на этот раз довольно громко:

– Мисс Горен! Минуточку!

Она обернулась и посмотрела на него вопросительно.

– Присядьте, пожалуйста, – попросил он сиделку.

Энн Горен замерла на миг, опять встретилась глазами с Булем и возвратилась на место.

– Да? – произнесла она.

Несколько секунд Вулф смотрел на нее, а потом неожиданно повернулся к Булю:

– Я мог бы раньше спросить вас, зачем вы привели мисс Горен. В этом, кажется, не было нужды, ведь вы полностью обо всем осведомлены и компетентны, чтобы ответить на мои вопросы. Да и втягивать ее в столь щекотливое дело не очень-то красиво. С моей стороны логично было предположить, что вы ожидали от меня таких вопросов, на которые мисс Горен сможет ответить, а вы нет, и поэтому сочли нужным взять ее с собой. Очевидно, этих вопросов я не задал, но спровоцировал ее. Когда я спросил, не хочет ли она что-нибудь добавить, мисс Горен посмотрела на вас. Безусловно, она что-то скрывает, и вам известно что. Я не в

силах выудить это из вас – мне нечего вам предложить, как и нечем угрожать. Однако во мне заговорило любопытство, и его придется так или иначе удовлетворить. Возможно, вы согласитесь это сделать.

Буль сел и, уперев локоть в подлокотник кресла, прихватил кончик своего римского носа большим и указательным пальцами. Потом он опустил руку:

– Вы не пустомеля. Да, вы совершенно правы. Я ожидал, что вы поднимете тему, которая потребует присутствия мисс Горен, и удивлен тем, что вы не спросили. Мне бы хотелось поразмыслить об этом, но я не против рассказать вам, в чем дело. Вам говорили о грелках?

– Нет, сэр. О грелках мне никто и ничего не говорил.

– Тогда, значит, Пол... хотя это не важно. Расскажите им о грелках, Энн.

– Он уже все знает, – процедила она. – Его нанял один из Файфов.

– Все равно расскажите, – попросил Вулф. – Для сравнения.

Его обращение с женщинами отличалось как от методов Пола Файфа, так и от моих.

– Хорошо. – Она вздернула свой очаровательный подбородок. – Я положила пациенту две грелки с горячей водой, по одной с каждого бока, и меняла воду каждые два часа. В последний раз я поменяла ее перед самым уходом – перед тем, как миссис Таттл велела мне уйти. В воскресенье вечером ко

мне домой явился Пол Файф – я снимаю небольшую квартиру на Сорок восьмой улице вместе с подругой, она тоже работает сиделкой. Пол сказал, что, когда обнаружил своего брата мертвым в то утро, он откинул одеяло и грелки лежали на месте, только они были пустыми. Он забрал их и отнес в ванную комнату. Потом там их заметила его сестра, миссис Таттл, и позвала его взглянуть на них. Она решила, что это сиделка забыла наполнить их, и собиралась сообщить об этом доктору. Пол спросил, не меняла ли она сама воду до того, как лечь спать, и миссис Таттл сказала, что нет, ей и в голову не приходило, что нужно это делать, поскольку сиделка перед уходом налила горячей воды.

В голосе мисс Горен не осталось ни намек на сиплость. Он был чистым, твердым и уверенным.

– По словам Пола Файфа, он якобы сказал сестре, будто это он вылил воду из грелок, когда относил их в ванную. Он говорит, что придумал это под влиянием момента, не желая, чтобы его сестра пожаловалась на меня доктору, но потом, опять же с его слов, понял, что напрасно это сделал, поскольку пустые грелки могли иметь какое-то отношение к смерти брата. Он предложил мне пообедать с ним, чтобы обсудить это. Мы стояли на пороге моей квартиры, так как я не позволила ему войти, и я захлопнула дверь у него перед носом. На следующий день, то есть вчера, Пол трижды звонил мне, а вечером явился снова, но я ему не открыла. Поэтому он рассказал все своему брату Дэвиду и уговорил прийти к вам.

Совпадает ли мой рассказ с тем, что вам уже известно?

Вулф нахмурился, глядя на нее.

– Пф! – наконец фыркнул он и, оставив сиделку, снова обратился к Булю: – Вот, значит, о чем вы говорили, – пробурчал он.

Буль кивнул:

– Мисс Горен звонила мне в воскресенье вечером, чтобы все рассказать, и потом еще вчера днем и ближе к ночи. Что естественно, ведь под сомнение ставился ее профессионализм. Вы по-прежнему удивлены тем, что я привел ее с собой?

– Больше нет. Но я ничего не слышал о грелках. Какова вероятность того, что мисс Горен сама забыла налить в них воды?

– Никакая, поскольку она говорит, что воду налить не забыла. Она получала квалификацию в больнице Маунт-Киско, и я хорошо ее знаю. Когда я работаю с пациентами из Нью-Йорка, то всегда пользуюсь услугами мисс Горен, если она свободна. Так что эту версию можете смело отбросить.

– Тогда либо Пол Файф лжет, либо кто-то достал грелки из кровати, опорожнил их и положил обратно, что кажется бессмысленным. Никакого существенного воздействия на состояние пациента это не могло оказать, не так ли?

– На состояние пациента не могло. – Буль провел ладонью по седой шевелюре. – Зато могло повлиять на репутацию мисс Горен, и я чувствую некоторую ответственность,

поскольку это я пригласил ее ухаживать за Бертрамом Файфом. Вы не интересовались моим мнением, но я все же выскажу его. По-моему, Бертрам умер от пневмонии, и никаких способствующих факторов не было, кроме тех, в которых он повинен сам. Здесь я имею в виду его отказ ложиться в больницу и использовать кислородную палатку. Я также считаю, что он совершенно напрасно настоял на приходе гостей, несмотря на болезнь. В детстве он был очень упрямым и, по-видимому, с тех пор не изменился. Что касается грелок, то мне кажется, что Пол Файф лжет. Не хочу оговаривать его за глаза, но о его эскападах в погоне за женщинами в нашем городке знают все. Когда какая-нибудь девушка нравится Полу, для него это не просто влечение, а одержимость. При виде грелок в постели он запросто мог сообразить, как сделать их оружием в покорении мисс Горен, это совмести-мо с его характером и прошлыми поступками. Вот почему он отнес грелки в ванную и опорожнил их.

– Тогда глупо было говорить сестре, что это сделал он, – возразил Вулф.

– Нет, – покачал головой Буль. – Пол просто хотел отвлечь ее. Мисс Горен же он мог представить это как услугу ей и в то же время мог пригрозить, по крайней мере неявно, что еще может взять свои слова обратно и рассказать всем о ее не-радивости. Я не утверждаю, что Пол Файф не глупец. Люди, страдающие одержимостью, обычно не отличаются умом. Я всего лишь хочу сказать, что, как мне кажется, сестре Пол

сказал правду, а мисс Горен – неправду. Думаю, это он вылил воду из грелок. Как я понимаю, позднее он придет сюда вместе с остальными, и я прошу передать им, что любая попытка обвинить мисс Горен в небрежности будет встречена мною крайне негативно. В таком случае я посоветую ей обратиться в суд с иском о клевете и сам выступлю свидетелем. Если вы предпочтете, чтобы я лично сказал им...

В дверь позвонили. Я поднялся и сходил в прихожую, чтобы взглянуть, кто это, а потом вернулся в кабинет.

– Они пришли, – сказал я Вулфу. – Дэвид и с ним двое мужчин и женщина.

– Опоздали на десять минут, – произнес Вулф, сверившись с настенными часами. – Приведи их сюда.

– Нет! – Энн Горен вскочила с места. – Ни за что! Я не желаю находиться с ними в одной комнате! Доктор Буль, пожалуйста!

Должен сказать, я был согласен с ней. Одержимостью я не страдал, но с ней был полностью согласен. После секундного размышления доктор Буль тоже согласился и уведомил об этом Вулфа. Тот задумчиво посмотрел на сиделку и решил присоединиться к мнению большинства.

– Хорошо, – кивнул он. – Арчи, проводи мисс Горен и доктора Буля в гостиную и выпусти их после того, как остальные пройдут в кабинет.

– Да, сэр.

Когда я шел отворять дверь, звонок раздался снова. На-

верняка это Пол со своей вспыльчивостью. Если бы он знал, кто здесь, то, думаю, прорвался бы через стеклянную панель в нашей входной двери.

Глава 3

Доставив вновь прибывших в кабинет Вулфа и проводив Буля с сиделкой, я уселся за свой стол и приготовился записывать. Судя по всему, расследование смерти, удивившей доктора, постепенно превращается в изучение того, какими способами некий агент недвижимости добивается внимания женщин, а это не та работа, ради которой Вулф согласится напрягать свой гений, какой бы гонорар ему ни обещали. Я уже предвкушал интересное зрелище.

Внешне Пол не оправдывал свою репутацию. Ниже меня на добрых восемь дюймов, он был широк в кости и пухловат. Вероятно, он находил в себе сходство с Наполеоном и в какой-то степени был прав, хотя впечатление немного портили синяк (под левым глазом) и ссадины на распухшей челюсти. Джонни Эрроу, сделал я вывод, умеет драться обеими руками. Пол и Таттлы сели в кресла, выставленные в ряд перед столом Вулфа, а красное кожаное кресло досталось Дэвиду.

Луиза превосходила обоих братьев и ростом, и привлекательностью. Для женщины среднего возраста она выглядела совсем недурно, несмотря на некоторую костлявость и слишком коротко постриженные волосы. Что касается ее мужа, Таттла, то у него волос не было вовсе. Его блестящий, заостренный кверху купол совершенно затмевал все остальные черты лица вроде глаз, носа и подбородка. Чтобы разглядеть

их, приходилось напрягать внимание.

Ко времени моего возвращения из прихожей Вулф говорил:

— ...И доктор Буль вновь выразил уверенность в том, что ваш брат умер от пневмонии и что не было никаких подозрительных обстоятельств. Поскольку факт естественной смерти он уже зафиксировал в подписанном им свидетельстве, нам его заявление ничего нового не дает. — Он остановил взгляд на Поле. — Как я понимаю, вы считаете, что необходимо полицейское расследование. Это верно?

— Да. Чертовски верно! — Он обладал баритоном и говорил с придыханием.

— А ваши родственники против. — Вулф повернул голову. — Вы против, сэр?

— Да, как я и говорил. — Дэвид выглядел еще более утомленным, чем раньше. — Я против этого.

— И вы, миссис Таттл?

— Категорически против! — Она говорила отрывисто, резким, высоким голосом. — Нет никакого смысла придумывать себе неприятности. Мой муж такого же мнения. — Луиза мотнула головой в сторону. — Винс?

— Так точно, дорогая, — прогудел Таттл. — Я всегда соглашусь с тобой, даже когда не согласен. А на этот раз я согласен.

Вулф опять повернулся к Полу:

— То есть все зависит от вас. Если вы будете обращаться в

полицию, что вы им скажете?

— Да много чего скажу. — Из-за верхнего освещения синяк Пола казался чернее, чем был на самом деле. — Скажу, что когда доктор Буль уходил в субботу вечером, то говорил нам, что состояние Берта удовлетворительное и мы можем смело идти в театр, а несколько часов спустя Берт умер. Скажу, что этот пройдоха Эрроу заигрывал с сиделкой, а она в ответ строила ему глазки, и у него была возможность залезть в ее склянки и подменить морфин, который она собиралась ввести Берту, на что-нибудь другое. Доктор Буль говорил нам, что прописывает брату морфин. Скажу, что Эрроу нацелился заграбастать несколько миллионов, к которым и близко не подобрался бы, будь Берт жив. Скажу, что Эрроу не понравилось, что Берту с нами хорошо и мы снова стали одной семьей, и он положил этому конец. — Пол замолчал и осторожно пощупал кончиками пальцев челюсть. — Мне больно говорить, — сообщил он нам. — Проклятый отморозок! Послушайте, я далеко не святой. Вы на меня так смотрите, будто хотите спросить, почему я так переживаю за брата. Да нет, ни черта подобного! Я не очень-то ладил с Бертом, еще когда мы были детьми, и потом двадцать лет его не видел, с чего мне переживать из-за него. А волнует меня вот что. Убийца не должен получить выгоду от своего преступления. Если Эрроу убил Берта, то их соглашение можно выкинуть на помойку. Тогда все достанется Берту, то есть нам. Это очевидно, так к чему молчать? И мне даже не нужно будет объяс-

нять это полиции, они и сами все прекрасно понимают.

– Пол, ты говоришь неподобающие вещи, – осадил брата Дэвид.

– Верно, верно, – подхватил Таттл. – Так нельзя.

– Ах, да неужели! – язвительно прищурился Пол на шурину. – Ты-то кто такой вообще?

– Он мой муж, – отчеканила Луиза. – И он мог бы многому тебя научить, будь ты способен учиться.

Вот он, милый семейный кружок. Слово взял Вулф.

– Признаю, – сказал он Полу, – ваши заявления могут вызывать интерес у полиции, но одних предположений недостаточно. Есть ли у вас что-то более существенное?

– Нет. Но больше ничего и не нужно.

– Я так не считаю. – Вулф откинулся на спинку кресла, втянул в себя бушель воздуха и выпустил его обратно. – Давайте посмотрим, не сможем ли мы обнаружить что-нибудь. Во сколько вы прибыли в квартиру брата в субботу?

– Около пяти часов дня. – Нижняя часть лица Пола внезапно перекосилась, и я подумал, что это судорога, однако потом сообразил, что он пытается ухмыльнуться, а это непросто сделать с разбитой челюстью. – А-а, понимаю. Вопрос в том, где я был в пять пятьдесят одну шестого августа? Ладно. Я выехал из Маунт-Киско без четверти четыре в своем автомобиле, один, и отправился в Нью-Йорк. Сначала я остановился на Мэдисон-авеню в магазине «Шраммс», чтобы купить две кварты их мороженого со вкусом манго для

воскресной вечеринки. Затем поехал на Пятьдесят вторую улицу, где и оставил машину, так как по субботам ближе к вечеру там можно припарковаться. Оттуда я пешком пошел в «Черчилль тауэр» и оказался в апартаментах вскоре после пяти. Я приехал пораньше, потому что уже побеседовал с сиделкой по телефону, и мне понравился ее голос. Вот я и подумал, что неплохо бы с ней познакомиться до того, как соберутся остальные. Но у меня не было никаких шансов. Тот парень Эрроу уже сидел с ней в гостиной и плел ей что-то про урановые прииски. Каждые несколько минут она выскальзывала, чтобы проверить своего пациента, а потом снова возвращалась к байкам о рудниках. Потом пришел Дэвид, за ним Луиза с Винсом, и мы как раз садились за стол, когда появился доктор Буль. Дальше рассказывать?

– Да, продолжайте.

– Как скажете. Буль пробыл у Берта около получаса, и когда уходил... Я уже говорил, что он сказал нам тогда. Мы не только ели, но и пили, и, пожалуй, я немного перебрал. Я рассудил, что негоже бросать сиделку одну с Бертом, и когда все отправились на спектакль, я остался. Подумал, если ей нравится слушать о разведке урана, то она рада будет послушать и о чем-нибудь другом, но оказалось, что ничего подобного. После того как... После короткого разговора она ушла в комнату Берта и закрыла дверь на замок. Потом она говорила моей сестре, будто я барабанил в дверь и орал, что если она не выйдет, то я выломаю дверь, но лично я ничего

такого не припомню. В любом случае Берт к тому часу был все равно что мертвый под влиянием морфина, если это вообще был морфин. В конце концов сиделка вышла, и мы поговорили, и я допускаю, что мог прикоснуться к ней, но те отметины, которые она показывала, когда все вернулись из театра... должно быть, она сама это сделала. Я не был так уж пьян, просто чуть навеселе. Потом она схватилась за телефон и сказала, что если я не уйду, то она вызовет охрану отеля, так что пришлось сматывать удочки. Дальше?

— Дальше.

— Ладно. Я спустился в бар, сел за стол и выпил. Две или три порции. Потом я почему-то вспомнил о мороженом, которое осталось в холодильнике в апартаментах Берта, и стал раздумывать, не сходить ли за ним, как вдруг передо мной появился Эрроу и стал требовать, чтобы я встал. Он схватил меня за плечо и сдернул со стула, сказал, чтобы я защищался, и вдруг как замахнулся да как врезал мне. Не знаю, сколько раз он меня ударил, но гляньте на мое лицо, там все написано. Наконец его оттащили от меня, появился коп. Я по-тихому отошел в сторону, потом улизнул из бара и поднялся на лифте в апартаменты. Мне открыл Винс. Эту часть я помню совсем смутно, знаю только, что меня положили на диван, так как грохнулся с него на пол, но до конца все-таки не проснулся. В голове у меня сидело, что меня поколотили и что мне нужно увидеть сиделку, поэтому я пошел в комнату Берта. Занавески там были задернуты, я включил свет и

подошел к кровати. У Берта был открыт рот, на вид он был как мертвый. Я откинул одеяло и приложил к груди руку. На ощупь он тоже был мертвым. По бокам Берта лежали две грелки, по одной с каждой стороны. Выглядели они пустыми, и я взял одну в руки: точно, пустая. Я тогда подумал, что, должно быть, это сиделка оплошала из-за того, что я приставал к ней, и что так не пойдет. Вторая грелка тоже оказалась пустой, и я отнес их в ванную перед тем, как пойти...

– Пол! – воскликнула Луиза. – Мне ты сказал, что это ты вылил из них воду!

– Ну да, сказал. – Он ухмыльнулся ей, а точнее, попытался это сделать. – Я же не хотел, чтобы ты побежала докладывать об этом доктору. Какого черта, неужели мужчина не может проявить галантность?! – Он повернулся к Вулфу. – Вы сказали, что вам нужно что-то более существенное. Хорошо, вот оно. Ну как, нравится?

– Значит, ты обманул Луизу, – заворчал Таттл.

– Или обманываешь нас сейчас, – сказал Дэвид, и его усталость как рукой сняло. – Мне ты ничего об этом не говорил.

– Ну разумеется, не говорил. Проклятье! Говорю же, это галантность.

Они загомонили, набросились друг на друга – вся семья разом. Получился отменный квартет – с высоким сопрано Луизы, баритоном Пола, рокотом Таттла и фальцетом Дэвида.

Вулф закрыл глаза и поджал губы, подождал до опреде-

ленного момента и потом положил конец этому концерту.

– Прошу прекратить базар! – Он посмотрел на Пола. – Вы, сэр, упоминали галантность. Я не говорил вам, что мисс Горен уже приходила сюда с доктором Булем. Однако она приходила и рассказала мне о ваших визитах к ней домой и о телефонных звонках, так что давайте оставим галантность в покое и обсудим лучше два других вопроса. Во-первых, мне нужно знать: грелки были пустыми, когда вы их обнаружили, или вы сами опорожнили их?

– Они уже были пустыми. Я сказал сестре...

– Я слышал, что вы сказали сестре, и помню, какие причины приводили. Допустим, вы обнаружили пустые грелки, но даже в таком случае идти в полицию с одним лишь этим фактом неблагоприятно. Доктор Буль заявил, что, даже если бы мисс Горен забыла налить в них горячей воды, чему он категорически не верит, для состояния больного это не имело бы решающего значения. Потому и для меня это значения не имеет. А теперь второй вопрос. Ваше другое предположение – о том, что морфин подменили на что-то другое, – может оказаться значимым, если вы сумеете его чем-то подкрепить. Можете?

– Мне это ни к чему. Пусть полиция этим занимается, если сочтет нужным.

– Нет, так не пойдет. В целях частного расследования можно выдвигать различные предположения, но использовать их как базу для подозрения человека в убийстве в офи-

циальном следствии недопустимо. К примеру, я не без оснований мог бы предположить, что это вы убили брата, не зная о соглашении между вашим братом и мистером Эрроу и полагая, что вам достанется треть состояния брата, однако же я не пойду с этим...

– Вот именно, и не советую этого делать, – вставил Пол, и его физиономию снова перекосила попытка усмехнуться. – К тому же я знал о соглашении.

– Да? Откуда?

– От меня, – вставил Дэвид. – Берт рассказал мне, а я рассказал Полу и Луизе.

– Вот видите? – Вулф развернул руку ладонью кверху. – Мое предположение лопнуло. Будь я упрямым, то, конечно же, продолжал бы цепляться за него, выдвинул бы новое – о том, что вы предвидели мои умопостроения и сговорились, тем более что ваш покойный брат уже не может ничего опровергнуть. Но это было бы пустой тратой времени, если бы у меня не было ни единого факта, чтобы подкрепить мои теории. – Он укоризненно покачал головой. – Боюсь, вы пытаетесь открыть огонь из несуществующих орудий. Но меня наняли проводить расследование, поэтому я изучу все версии. – Затем он обратился к Дэвиду: – Я знаю ваше мнение по этому вопросу, мистер Файф, и не жду от вас ничего нового, но несколько вопросов не помешают. Что вам известно о морфине?

– Ничего. Совсем ничего. Знаю только со слов доктора

Буля, что он оставил сиделке дозу, чтобы дать Берту после нашего ухода.

– Вы заходили в комнату брата, после того как доктор уехал?

– Да. Мы все заходили – Пол, Луиза, Винс и я. Мы поблагодарили Берта за отличный обед и выразили сожаление о том, что он не сможет пойти с нами в театр.

– Где был мистер Эрроу?

– Не знаю. Кажется, он говорил что-то насчет рубашки – хотел переодеться.

– Он был в комнате брата после ухода доктора Буля?

– Этого я точно не знаю. – Дэвид замотал головой.

– Ну, это не так важно, – буркнул Вулф. – А позднее, когда вы вернулись из театра? Тогда он заходил к вашему брату?

– По-моему, нет. Если и заходил, то я этого не видел. – Дэвид нахмурился. – Я рассказал вам уже обо всем. Сиделка была расстроена и сказала, что позвонила доктору Булю с просьбой прислать замену. Когда она сообщила нам о том, что случилось, Эрроу исчез, то есть ушел из апартаментов. Потом между моей сестрой и сиделкой состоялся неприятный разговор, и Луиза велела мисс Горен уходить. После ее ухода Луиза тоже позвонила доктору Булю и сказала ему, что они с мужем останутся в номере, пока не придет новая сиделка. А вскоре я отправился домой. Живу я в Ривердейле.

– Но перед уходом вы зашли к брату?

– Да.

– И как он себя чувствовал?

– Он крепко спал. Дышал как будто с трудом, но в остальном казалось, что он в порядке. Когда Луиза говорила с доктором Булем по телефону, тот сказал ей, что Берту ввели полграмма морфина и что до утра брат вряд ли проснется.

Вулф слегка повернул голову:

– Миссис Таттл, вы слышали, что говорили ваши братья. Есть ли у вас какие-то уточнения или дополнения?

С Луизой же что-то происходило. У нее дрожали губы; руки, лежащие на коленях, сцепились так, что побелели костяшки пальцев. Она встретила глазами с Вулфом, но ничего не отвечала, пока наконец не выкрикнула:

– Я не виновата! Никто не смеет обвинять меня в этом!

Вулф скривился:

– Почему вы думаете, что вас кто-то обвиняет, мадам?

– Потому что меня обвиняли в смерти отца! Вы слышали, что случилось с нашим отцом?

– Я знаю, как он умер. Мне рассказал об этом ваш брат.

– Говорили, что он умер из-за меня. Все так говорили! Потому что я присматривала за ним в ту ночь, но заснула и не зашла в его комнату, а там кто-то открыл окна! Меня даже спрашивали, не сама ли я положила снотворное в шоколад, который пила на ночь! Как будто двадцатичетырехлетней девушке нужно снотворное, чтобы заснуть!

– Ну-ну, дорогуша. – Таттл погладил ее по плечу. – Это все в прошлом, все забыто. В комнате Берта в субботу вечером

все окна были закрыты.

– Но это я отослала сиделку. И сказала доктору Булю, что позабочусь о Берте, а сама пошла спать, даже не взглянув на грелки, а они оказались пустыми. – Она развернулась лицом к младшему брату. – Скажи правду, Пол, только правду. Грелки были пустыми?

Он тоже прикоснулся к ее плечу:

– Не принимай это так близко к сердцу, Лу. Ну конечно, они были пустыми, честное слово бойскаута, только не из-за этого он умер, и я не говорил, что из-за этого.

– Никто тебя не винит, – заверил жену Таттл. – Да, ты пошла спать, ну а что тебе было делать? Шел уже второй час ночи, и доктор Буль сказал, что Берт проспит до утра. Поверь мне, дорогая, ты делаешь из мухи слона.

Она опустила голову и закрыла лицо руками; ее плечи задрожали. Для Вулфа любая дама в расстроенных чувствах – не что иное, как истеричка в припадке, а если такая дама начинает всхлипывать, то он поднимается на ноги быстрее, чем следует при его внушительных объемах, и бежит к дверям и оттуда к лифту. Луиза не завывала. Он с подозрением посмотрел на нее, решил, что пока она угрозы не представляет, и занялся ее мужем.

– Да, насчет отхода ко сну. Вы сказали, мистер Таттл, что шел второй час ночи. Это было после того, как вам пришлось встать из постели, чтобы впустить в апартаменты Пола?

– Да. – Он не убрал руку с плеча жены, пытаясь успоко-

ить ее. — На то, чтобы выслушать Пола и устроить его на диване, потребовалось какое-то время. Потом мы заглянули к Берту, убедились, что он спит, и сами пошли в кровать.

— И вы не просыпались до тех пор, пока вас не разбудил Пол около шести утра?

— Думаю, супруга моя не просыпалась. Она очень устала в тот день. Порой она ворочалась, но во сне. Я же пару раз поднимался, чтобы сходить в туалет. Для меня это обычное дело. А так — да, я спал, пока нас не позвал Пол. Когда я ходил в туалет во второй раз, то приоткрыл дверь в комнату Берта. Там было тихо, и я не стал заходить. А что? Это важно?

— Не очень. — Вулф бросил настороженный взгляд на Луизу, проверяя, не грозит ли ему опасность, и вернулся к ее мужу. — Я думаю о мистере Эрроу и пытаюсь изучить все варианты. Конечно, у него имелся ключ от апартаментов, и это означает, что он мог прийти туда ночью, сделать задуманное и уйти незамеченным. Возможно ли такое?

Таттл задумался. Я хотел понаблюдать за ним, и мне пришлось приложить усилие, чтобы отвлечься от сияющего черепа и сосредоточиться на выражении его лица. Было бы гораздо проще, если бы глаза, нос и рот находились у него на макушке.

— Возможно, — наконец решил он, — но маловероятно. Я сплю довольно чутко и, думаю, услышал бы его. К тому же ему надо было миновать гостиную, где спал на диване Пол, хотя, полагаю, Пол был в отключке.

– Наглухо, – подтвердил Пол. – Ему пришлось бы снова двинуть мне, если бы он захотел, чтобы я его заметил. – Затем он с интересом уставился на Вулфа. – А ведь это идея. Что, по-вашему, мог задумать Эрроу?

– Ничего особенного. Я просто задаю вопросы. Мистер Таттл, когда вы в следующий раз видели мистера Эрроу?

– В то утро, в воскресенье, он пришел в апартаменты около девяти часов утра, вскоре после доктора Буля.

– Где он был все это время?

– Не знаю. Я не спрашивал его, а он не сказал. Это было... тогда мы только что узнали о кончине Берта. Эрроу забросал нас вопросами, многие из которых я бы назвал грубыми, но с учетом обстоятельств... наверное, его можно было понять.

Вулф откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и опустил подбородок на грудь. Братья Файф молча смотрели на него. Таттл, обернувшись к жене, стал поглаживать ее плечо и что-то бормотать ей, и довольно скоро она убрала от лица ладони и подняла голову. Заботливый супруг достал из нагрудного кармана свежий носовой платок, и Луиза взяла его и приложила несколько раз к щекам. Вообще-то, никаких мокрых дорожек от слез на ее лице я не заметил.

Наконец Вулф открыл глаза и обвел ими посетителей слева направо и обратно.

– Я не вижу смысла в том, чтобы дольше задерживать вас, – объявил он. – Я надеялся, что мы сумеем принять решение этим вечером. – Он остановил взгляд на Поле. – Од-

нако ваше предположение относительно подмены морфина заслуживает проверки. Я проведу ее, разумеется, осторожно. – Затем его глаза нашли Дэвида и потом Таттла. – Кстати, я не передал вам сообщение от доктора Буля. Он просил сказать, что, если мисс Горен обвинят в халатности, он посоветует ей обратиться в суд, где готов выступить свидетелем в ее пользу. Она утверждает, что перед уходом налила горячую воду в грелки, и он ей верит. Я свяжусь с вами, вероятно, не позднее...

Раздался звонок в дверь. Когда мы с Вулфом заняты в кабинете, дверь обычно открывает Фриц, но у меня возникло некое предчувствие, что со мной частенько случается, поэтому я поднялся, пробрался за спинами наших клиентов и вышел в прихожую – как раз вовремя, чтобы опередить Фрица, уже шагающего из кухни. Фонарь над крыльцом был включен, и через одностороннюю стеклянную панель я увидел незнакомого человека – субъекта с квадратными плечами, примерно моего возраста и почти одного со мной роста. Сказав Фрицу, что займусь гостем сам, я открыл дверь настолько, насколько позволяла надетая цепочка, и спросил через щель:

– Чем могу помочь?

В ответ зазвучал мягкий тягучий голос:

– Меня зовут Эрроу. Джонни Эрроу. Я хочу увидеть Ниро Вулфа. Если вы откроете дверь, нам будет удобнее.

– Да, но сначала я должен спросить его. Подождите ми-

нутку.

Я захлопнул дверь, вынул из кармана листок бумаги и написал на нем: «Эрроу». Вернувшись в кабинет, я вручил Вулфу листок. Посетители уже поднялись со своих мест и собирались уходить.

Вулф глянул на имя.

– Проклятье! – проворчал он. – Я-то думал, что на сегодня закончил. Но, может, я сумею... Ну ладно.

Согласен, я заслужил упрек в непредусмотрительности, ведь мне было известно о том, что случилось в субботу вечером в баре отеля «Черчилль», однако никакого умысла с моей стороны не было. К мебели в кабинете я отношусь не менее трепетно, чем Вулф или Фриц. Я просто не подумал. В общем, я вернулся к парадной двери, впустил уранового принца в дом, провел его в кабинет, а сам отошел в сторонку, чтобы понаблюдать за лицами. Стоило Эрроу увидеть Пола, как он тут же бросился на него, я же в этот миг был слишком далеко, вот почему одно из желтых кресел оказалось безнадежно испорчено. Утешением мне послужила шикарная демонстрация того, как Пол получил свою изукрашенную с обеих сторон челюсть. Сначала Эрроу ударил его левой рукой – достаточно сильно, чтобы Пол потерял равновесие, а потом с размаху так заехал ему правой, что младший Файф отлетел на добрых шесть футов и рухнул в злополучное кресло. Когда Эрроу рывком попытался поднять противника, явно с намерением заняться вторым его глазом, я уже

добрался до места событий и обхватил Эрроу рукой за шею, а коленом уперся ему в спину. Таттл тоже был рядом, хватал Эрроу за рукав. Дэвид кружил вокруг, очевидно собираясь влезть между дерущимися, но это, между прочим, неразумная тактика. Луиза пронзительно визжала.

– Все, – сказал я им, – просто отойдите. Я держу его.

Эрроу попробовал вырваться, но быстро понял, что оказался перед выбором – сломать себе сначала шею, а потом спину, или наоборот, и перестал дергаться. Вулф с неприязнью в голосе сказал, что не лучше ли всем отправиться по домам. Пол поднялся, и мне даже показалось, что он собирается ударить Эрроу, пока я держу его, но Дэвид успел схватить брата за руку и потянул его к двери. Таттл приобнял Луизу и тоже повел ее прочь. Уже у двери Дэвид обернулся и крикнул Вулфу:

– Вам не следовало впускать его, вы могли бы догадаться!

Когда они все оказались в прихожей, я отпустил Эрроу и пошел проводить гостей. Стоя на пороге, я пожелал им доброй ночи, но только Дэвид ответил мне тем же.

В кабинете, куда я затем вернулся, Джонни Эрроу уже устроился в красном кожаном кресле и осторожно двигал головой вперед и назад. Да, пожалуй, я прижал его сильнее, чем нужно было, но откуда мне было знать, я же видел его впервые в жизни!

Глава 4

Я сел спиной к своему столу и стал рассматривать Джонни Эрроу. Да, это был многогранный объект для изучения. Во-первых, он урановый миллионер новейшего образца. Во-вторых, самозабвенный драчун, готовый сворачивать людям челюсти, невзирая на обстановку. Наконец, он неплохо разбирается в хорошеньких сиделках и, завидев одну из них, знает, что надо делать. А еще его называли кандидатом на электрический стул. В свои годы он много что успел. И к тому же на вид далеко не противный, если только вы не ярый приверженец красавчиков с рекламы сигарет. Его лицо и руки отнюдь не были грубыми и обветренными, как можно было бы ожидать у человека, который пять лет ковырял камни в безлюдном краю. Очевидно, после открытия урановых залежей в Блэк-Элбоу у него было время поухаживать за собой.

Джонни Эрроу перестал разминать шею и с любопытством уставился на меня карими глазами. От их уголков разбегались «гусиные лапки» – не иначе как оттого, что он долго щурился в поисках урана.

– Неслабо вы меня прижали, – произнес он своим тягучим голосом без всякой враждебности. – Я уж думал, вы мне шею сломаете.

– А сломать следовало, – сурово уронил Вулф. – Только посмотрите на кресло.

– О, да я заплачу за него. – Эрроу вынул из кармана толстую пачку «зелени». – Сколько?

– Мистер Гудвин пришлет вам счет. – Вулф был мрачен. – Мой кабинет – не арена для гладиаторов. Вы пришли, полагаю, получив сообщение, которое мы вам оставили?

Он отрицательно качнул головой:

– Никаких сообщений я не получал. Если вы передавали его через отель, то меня там с утра не было. А что там говорилось?

– Только то, что я хотел увидаться с вами.

– Нет, не дошло до меня ваше сообщение. – Он поднял руку, чтобы помассировать шею. – Я пришел, потому что захотел встретиться с вами сам. – Последнее слово он подчеркнул, протянув его дольше остальных. – С Полом Файфом я тоже хотел встретиться, но не знал, что он здесь, с этим мне просто повезло. Пол был мне нужен по поводу одной шуточ-ки, которую он пытался разыграть с моей знакомой. Вы ведь знаете о грелках?

– Знаю, – кивнул Вулф.

– Я хотел встретиться с вами, потому что прекрасно понимаю: вы собираетесь навесить на меня убийство моего партнера Берта Файфа. – Карие глаза немного сузились. Очевидно, они умели щуриться не только на уран. – Вот я и подумал, не предложить ли вам свою помощь.

– У вас неточные сведения, мистер Эрроу, – буркнул Вулф. – Меня наняли для того, чтобы я провел расследо-

вание и выяснил, нет ли в смерти мистера Файфа обстоятельств, которые требуют вмешательства полиции. О том, чтобы «навесить» что-либо на кого-либо, как вы выразились, речи не идет. Вероятно, ваше предложение помочь мне не более чем ирония, но помощь мне действительно нужна. Приступим?

Эрроу рассмеялся. Ничего похожего на лай или гогот – приятный легкий смех, очень идущий к его тягучему произношению.

– Приступим к чему? – спросил он.

– К обмену информацией. Мне нужно кое-что узнать, и вам, возможно, тоже. Во-первых, мне кажется, то, что вам известно, вы узнали от мисс Горен. Если я ошибаюсь, поправьте меня. Скорее всего, вы беседовали с ней после четырех часов пополудни. Не сомневаюсь в том, что она точно описала события, но если она пыталась создать у вас впечатление, будто у меня в отношении вас дурные намерения, то она заблуждается. Вы готовы признать, что вас привели сюда именно слова мисс Горен?

– Ну конечно. Мы вместе обедали. Доктор Буль забрал ее прямо из ресторана, чтобы ехать к вам.

Только не подумайте, будто Джонни Эрроу горел желанием рассказать Вулфу все, что тому ни потребуется. Нет, это он хвастался. Эрроу жадно хватался за любой шанс, чтобы поведать кому угодно, кстати и некстати, о том, что мисс Горен приняла его приглашение на обед.

– Тогда вам следует учесть, что ее рассказ не был беспристрастным, хотя я не утверждаю, будто она намеренно окрасила его. Вот что я вам скажу: до сих пор я не обнаружил ни единой улики, инкриминирующей вам убийство Бертрама Файфа. Если пожелаете, я попрошу напечатать эти мои слова и поставлю свою подпись. Но давайте займемся фактами. Что вам известно о грелках? Меня интересует не то, что вам говорили другие, а то, что знаете вы.

– Ничего не знаю. Я их даже не видел.

– И не прикасались к ним?

– Конечно нет. Зачем мне к ним прикасаться? – Он все так же растягивал слова. – И если вы спрашиваете об этом, потому что Пол Файф якобы нашел их пустыми, то при чем здесь факты?

– Вероятно, ни при чем. Я не простофиля. Когда вы в последний раз видели Бертрама Файфа живым?

– В субботу вечером, перед тем как мы пошли в театр. Я заглянул к нему буквально на минутку.

– Мисс Горен была с ним в это время?

– Да, разумеется.

– Вы не заходили к нему после спектакля?

– Нет. Вы хотите знать почему?

– Это я уже знаю. В отеле вы застали то, что мистер Дэвид Файф называет ситуацией, и снова ушли, никому ничего не сказав. Я делаю вывод, что вы отправились на поиски Пола Файфа. Это так?

– Ну да, и я нашел его. После того что рассказала мисс Горен, я был готов искать его всю ночь, но этого не потребовалось. Я сразу нашел его в баре.

– И набросились на него с кулаками.

– Ага. Я же искал его не для того, чтобы начистить ему ботинки. – Снова веселый и миролюбивый смешок. – Пожалуй, мне нужно радоваться, что вмешался коп, потому что я был весьма зол. – Он посмотрел на меня с дружелюбным интересом. – Неплохо вы меня прижали.

– Что было потом? – спросил Вулф. – Как я понимаю, в апартаменты вы не вернулись.

– Я не мог туда вернуться. В бар пришел еще один коп, но я все еще был в ярости и не хотел, чтобы меня держали за руки, и тогда они тоже разозлились. Кончилось все тем, что они надели на меня наручники и отвели в участок. Я не говорил им, кого отколошматил и за что, а они, как я думаю, пытались отыскать его, чтобы он возбудил против меня дело. Наконец они разрешили мне позвонить, и я попросил знакомого, чтобы мне прислали адвоката, и он вызволил меня на свободу. Вот тогда я пошел в апартаменты и узнал, что Пол Файф там вместе с Таттлом и его женой и что Берт умер. Доктор тоже там был.

– Разумеется, смерть Бертрама стала для вас потрясением.

– Да. А сказал бы я нет, то вы решили бы, что это я убил его, да? – хохотнул Эрроу. – Если вы действительно честно ведете дело, если не пытаетесь свалить все на меня, то вот

что я вам скажу, мистер. Мы с Бертом горбатились бок о бок пять лет, и порой нам приходилось совсем несладко. Голодать мы не голодали, но пару раз дело едва не доходило до этого. Никто нам не помогал. Когда мы нашли Блэк-Элбоу, то надо было успеть повернуть много важных дел, чтобы застолбить участок на свое имя, и самостоятельно с этим ни один из нас не справился бы. Вот тогда мы и пошли к адвокату, чтобы подписать наш договор о том, что, если с одним из нас что-то случится, никакие чужаки не влезут в наше дело и не начнут все портить. Так уж сложилось, что нам нравилось быть вместе, даже несмотря на стычки время от времени. Вот почему я приехал с Бертом в Нью-Йорк, когда он попросил меня об этом. Лично мне в Нью-Йорке ничего не нужно. Все наши дела мы могли уладить в Блэк-Элбоу или в Монреале. И уж точно я приехал сюда не для того, чтобы убить его.

Вулф не отрывал от Эрроу взгляда.

– То есть Бертрам Файф приехал в Нью-Йорк не по делам?

– Нет, сэр. Он сказал, что это вопрос личного характера.

Когда мы прибыли сюда, он связался с сестрой и братьями, и вот тогда я стал догадываться, что ему не дает покоя какое-то событие из прошлого. Несколько раз Берт ездил в Маунт-Киско и брал меня с собой. Мы объехали городок на «кадиллаке», посетили дом, где он родился, и обошли его весь. Там сейчас живет семья итальянцев. Еще мы ели мороженое в аптеке Таттла, пытались найти хозяйку пансиона, где ко-

гда-то останавливался Берт, но оказалось, что она давно переехала. Буквально на прошлой неделе он узнал, что сейчас она живет в Покипси, и мы отправились туда.

Эта тирада заняла довольно много времени, потому что Эрроу так и продолжал говорить – тягуче и не торопясь. В этом было свое преимущество: ему не приходилось останавливаться посреди фразы, чтобы глотнуть воздуха.

– Что-то я болтаю без умолку, – спохватился он. – Но это из-за того, что речь о Берте. Пять лет я только с ним и говорил, так что теперь, должно быть, мне хочется поговорить о нем. – В задумчивости он наклонил голову, а потом продолжил: – Я бы не хотел, чтобы мне «шили» преступление, но и никого другого не хочу оговаривать. И все-таки мои слова о том, что Берту не давало покоя прошлое, слишком уж расплывчаты. Он рассказал мне об этом кое-что, когда мы сидели с ним под скалой там, в Канаде. Берт сказал, что если нам улыбнется удача, то он хотел бы вернуться домой и завершить одно дело. Вам известно о том, как умер его отец? Берта даже подозревали в убийстве, и был суд.

Вулф подтвердил, что ему это известно.

– Ну вот, об этом он мне и рассказал тогда. Сказал, что не пытался получить причитающееся ему наследство, потому что не хотел иметь отношения к тем дрязгам, от которых сбежал. Если бы вы знали Берта, то такой его поступок вас не удивил бы. Он сказал, что обманывал сам себя, думая, будто все позади и забыто, но теперь, когда все идет к тому, что нам

крупно повезет, ему хотелось бы вернуться и осмотреться. Так он и сделал. Если у него и были какие-то подозрения, со мной он ими не делился, но кое-что я и сам подметил. Он всегда наблюдал за выражением лиц своих родственников, когда говорил им о своих планах. Например, в тот раз, когда Берт сказал, что собирается запросить копии свидетельских показаний с того суда, им это не понравилось. Когда он сказал, что встречался с бывшей хозяйкой пансиона, им это тоже не понравилось. Мне казалось, что он нарочно раздражает их. – Глаза Эрроу сузились, и к вискам побежали морщинки. – Но только не подумайте, будто я пытаюсь кого-то подставить. Доктор говорит, что Берт умер от пневмонии, а док вроде бы толковый. Просто я хотел, чтобы всем было понятно, зачем Берт приехал в Нью-Йорк. Еще вопросы будут?

– Сейчас нет, – качнул головой Вулф, – но, может быть, позднее. Как вы помните, я предлагал вам обмен информацией. Вы хотите что-нибудь узнать?

– Вот это я понимаю – вежливость. – Слова Эрроу прозвучали искренне. – Да нет, пожалуй, ничего. – Он поднялся с кресла и замер на секунду. – Хотя... Вы говорили, что не обнаружили никаких доказательств... что там было за слово?

– Инкриминирующих вам убийство.

– Вот-вот. Тогда почему вы не двигаетесь дальше? Мы с Бертом всегда так делали: когда понимали, что участок пустой, то двигались дальше.

– Я не сказал, что этот участок пустой. – Вулф насупил-

ся. – Нет, он не пустой, в этом-то и загвоздка. Есть одно загадочное обстоятельство, которое я должен как-то объяснить, прежде чем двигаться дальше.

– И что это за обстоятельство?

– Я уже спрашивал вас о нем, и вы сразу пускаетесь в полемику. Мне нужно быть при оружии, чтобы снова заговорить с вами об этом. Мистер Гудвин пришлет вам счет за поломанное кресло, когда нам станет известна сумма ущерба. Доброго вечера, сэр.

Эрроу хотел больше узнать о загадочном обстоятельстве, но остался ни с чем, как ни старался. Поняв, что участок пуст, он двинулся дальше, и я пошел в прихожую, чтобы проводить его. Переступив порог, он обернулся, чтобы повторить:

– Неслабо вы меня прижали.

В кабинете Вулф полулежал в кресле с закрытыми глазами и хмурил брови. Я перенес сломанное кресло в угол, остальные расставил по местам, убрал все на своем столе, запер сейф и потом подошел к Вулфу:

– Чего вы добиваетесь? Хотите разозлить его? Если загадочное обстоятельство и вправду упоминалось, то я, значит, в это время спал. О чем все-таки речь?

Не поднимая век, Вулф буркнул:

– Грелки.

Я потянулся и зевнул.

– Понятно. Вы заставляете себя взяться за решение про-

блемы, потом понимаете, что проблемы нет, и придумываете ее. Бросьте! Удовольствуйтесь тысячей. Это совсем немало за восемь часов работы. Скажите клиентам «нет». Дело закрыто.

– Не могу. Проблема есть. – Вулф открыл глаза. – Кто же, черт возьми, опорожнил грелки?! И зачем?

– Пол. Разве не так?

– Не верю. Постарайся забыть о его неоднократных заявлениях сегодня вечером, хотя звучали они весьма убедительно, и представь себе эту сцену. Пол заходит в комнату брата и видит, что он мертв. Потом он откидывает одеяло, находит под ним грелки – пустые. Он поворачивается, чтобы выйти из комнаты и позвать сестру и ее мужа, но тут ему приходит в голову, что пустые грелки могут стать оружием для завоевания мисс Горен. Он не хочет, чтобы сестра обратила на них внимание, поэтому перед тем, как позвать ее, он относит грелки в ванную. По-твоему, это правдоподобно?

– Конечно, но...

– Прошу тебя! В качестве ответа я приму «но». Теперь рассмотрим второй вариант. Пол откидывает одеяло, чтобы послушать сердце. Грелки лежат на месте, в них теплая вода. Увидев их, он задумывает уловку – подчеркну, он только что обнаружил труп там, где ожидал увидеть живого брата. Итак, прямо у постели только что умершего брата у него возникает идея: унести грелки в ванную и вылить из них воду, чтобы когда-нибудь в будущем пойти к мисс Горен и сказать ей, что

он нашел их пустыми. И он так и делает. А такой сюжет тебе кажется правдоподобным?

– В вашем изложении он кажется несколько надуманным, – признал я.

– Я излагаю это так, как все должно было произойти, если вообще произошло. А я говорю, что этого не было. Пол Файф заметил грелки только потому, что они были пустыми. Будь они полными, он бы не обратил на них внимания – ни в постели больного, ни в постели только что уснувшего человека. Несомненно, есть люди, способные на столь хитроумные махинации в столь трагический момент, но Пол не принадлежит к их числу. Я вынужден сделать вывод, что он нашел грелки уже пустыми. И что мне теперь остается делать?

– Мне придется подумать над этим. – Я сел.

– Ни до чего хорошего тут не додумаешься. – Вулф был исполнен скорби. – Я уже думал. Если я хочу сохранить свою самооценку, а сделать это, кроме меня, никто не может, придется мне разбираться с этим делом. Не виновата ли мисс Горен? Не она ли положила в кровать пустые грелки?

– Нет, сэр. Я подумываю над тем, чтобы жениться на ней. Кроме того, я не верю в это. Она квалифицированная сиделка, а ни одна квалифицированная сиделка попросту неспособна на подобный промах.

– Согласен. И вот что мы имеем в результате. Около полуночи, перед самым своим уходом, мисс Горен налила в грелки горячей воды и положила их больному в постель. При-

мерно в шесть часов утра Пол Файф нашел эти грелки у тела брата, но они были пустыми. Кто-то взял их, опорожнил и положил обратно. Объясни это.

– И не надо смотреть на меня. Я этого не делал, почему я должен что-то объяснять?

– Ты не можешь найти этому объяснения. Предположение, что это было сделано с целью убить Бертрама Файфа, просто смехотворно. Это необъяснимо, а все необъяснимое на смертном ложе обретает зловещий оттенок, особенно если это смертное ложе миллионера. Но, перед тем как задуматься над вопросом «кто это сделал?», я должен ответить на вопрос «почему?».

– Совсем необязательно, – заспорил я. – Предлагаю другой вариант. Удовольствуйтесь тысячей, но не говорите клиентам «нет», скажите «да», и пусть Пол идет с их загадкой в полицию. И все довольны.

– Пф! Ты это серьезно?

– Нет, – сдался я. – Вы в тупике. Копы наверняка решат, что грелки оставила пустыми сиделка и просто не хочет признаваться в этом, а Джонни Эрроу примется колотить весь несчастный отдел убийств, начиная с инспектора Кремера и дальше по порядку. – Внезапно я заподозрил подвох. – Да это вы цену себе набиваете! Вы уже знаете, почему грелки были пустыми, ну или думаете, что знаете, и теперь хотите, чтобы я понял, как вы гениальны, разгадав эту загадку!

– Нет. Я в растерянности. Я даже не знаю, за что хвататься.

Это более чем загадочное дело, оно нелепо. – Он посмотрел на часы. – Пора спать, и значит, придется мне лечь в кровать с этим безобразием в голове. Но сначала указания на утро. Приготовь свой блокнот, пожалуйста.

Я достал его из ящика стола.

Глава 5

В среду утром, позавтракав, как заведено, на кухне вместе с Фрицем, пока Вулф вкушал свой завтрак у себя наверху, тоже как заведено, я приступил к работе. Данные мне указания были просты, но выполнить их было не так-то легко. Первым и главным пунктом стоял звонок доктору Булю. Нужно было договориться, чтобы он приехал к нам к одиннадцати часам, то есть к тому времени, когда Вулф спустится из оранжереи, и привез с собой Энн Горен. Начать с того, что дозвонился я до него только около полудня. С девяти до десяти утра я попадал на автоответчик, который уведомлял всех интересующихся, что доктор на вызовах. Я оставил сообщение с просьбой перезвонить мне, но он не перезвонил. С десяти часов трубку стала снимать медсестра доктора Буля. Она была сама вежливость и сочувствие первые три раза, когда я говорил с ней, но потом стала проявлять некоторую холодность. Нет, доктор еще не вернулся с вызовов, да, ему передали мою просьбу перезвонить, и она ничем не может помочь, если доктор занят. Когда Буль наконец добрался до телефона и позвонил мне, я уже не мог пригласить его с мисс Горен к одиннадцати, так как было без четверти двенадцать, поэтому я предложил три часа и получил категорический отказ. Ни в три, ни в какое другое время. Он сообщил Вулфу все, что мог, о смерти Бертрама Файфа, но если Вулф поже-

лает переговорить по телефону, то он, доктор Буль, сумеет уделить ему пару минут. Справившись на этот счет у Вулфа, я получил еще один отказ: нет, по телефону никак. Тупик.

В итоге пришлось мне после ланча брать из гаража машину и ехать за сорок миль – по Вестсайдскому шоссе и дальше по Сомилл-Ривер-парквей – в Маунт-Киско. Кабинет Буля я отыскал в большом белом здании с большой зеленой лужайкой. Мне сказали, что доктор примет меня, когда закончит прием, который длится с двух до четырех часов дня. Однако, когда я появился в приемной, там все еще ожидали своей очереди пятеро пациентов, так что у меня получился чудесный долгий визит к врачу с обычным набором журналов. Наконец медсестра, прослужившая у Буля не менее шестидесяти лет, впустила меня к доктору.

Буль сидел за столом – с утомленным лицом, но все такой же импозантный.

– Мне надо ехать на вызовы, и я уже опаздываю, – сказал он резко. – В чем дело?

Я тоже могу быть резким.

– Один вопрос, – произнес я в ответ. – Его задал родственник покойного. Мог кто-нибудь подменить морфин на что-то другое? Мистер Вулф не хочет отдавать дело полицейским, не проверив все версии, но если вы предпочитаете...

– Морфин? Вы имеете в виду тот морфин, который вводили Берту Файфу?

– Да, сэр. Поскольку вопрос был...

– Чертов глупец! Конечно, это Пол. Нет, это чепуха какая-то. Кто подменил и на что?

– Не уточняется. – Я сел, не дождавшись приглашения. – Но мистер Вулф не может оставить вопрос без ответа, поэтому он был бы очень признателен вам за помощь. Вы сами давали сиделке морфин?

Судя по лицу почтенного доктора, он хотел послать меня карабкаться на дерево, желательно на такое, которое вот-вот рухнет, но сдержался, решив, очевидно, что избавится от меня быстрее, если ответит на мои вопросы.

– Морфин сиделка получила из флакона, который хранится у меня в чемоданчике. Я достал из флакона две таблетки для приготовления раствора, по четверть грана каждая, и лично вручил их сиделке с указанием дать одну из них пациенту сразу после ухода его гостей, а вторую через час, если будет нужно. Она потом отчиталась, сказав, что дала обе таблетки, как я предписывал. Предположения о том, что их подменили, – чистая фантастика.

– Конечно, сэр. Где сиделка держала эти таблетки перед тем, как дать их больному?

– Я этого не знаю. Она квалифицированная сиделка, на нее можно положиться. Вы хотите, чтобы я спросил ее об этом?

– Нет, спасибо, я сам спрошу. А что насчет вашего флакона с морфином? До него не мог кто-нибудь добраться?

– Невозможно. Нет.

– У вас эти таблетки уже давно? Когда вы насыпали во флакон новую партию лекарства?

– Довольно давно. Недели две назад, а то и раньше.

– Какова, по-вашему, вероятность того, что вы дали сиделке таблетки не из того флакона? Скажем, один на миллион?

– Нет. Ни единого шанса – ни на миллион, ни на миллиард. – Его брови взметнулись кверху. – Мне кажется, все эти вопросы совершенно излишни. Из того, что сказал мне вчера Дэвид, я понял, что подозрения падают на человека, которого Берт привез с собой из Канады. На мистера Эрроу.

– Может, и так, но мистер Вулф – скрупулезный человек, знаете ли. – Я поднялся. – Огромное спасибо, доктор. Если вас интересует, почему я приехал в такую даль всего лишь ради этих нескольких вопросов, то я отвечу: мистер Вулф к тому же очень осторожный человек. Ему не нравится обсуждать внезапную смерть по телефону.

Я попрощался с доктором, вернулся к машине и покатиł обратно. Путь на трассу вел через центр городка, и на углу красного кирпичного дома – отличное место для бизнеса – я увидел вывеску: «Аптека Таттла». Мне нужно было позвонить, так почему бы не из аптеки, подумал я и нашел неподалеку место для парковки. Внутри заведение выглядело очень солидно: современное, хорошо оснащенное, с богатым ассортиментом и массой покупателей. С полдюжины клиентов сидели на табуретах возле буфетной стойки, и по

торговому залу бродили еще три-четыре человека. Одного из них у дальнего прилавка обслуживал сам владелец заведения, Винсент Таттл. Я прошел к телефонной будке, набрал оператора, попросил связать меня с номером, который знал лучше всех остальных, и через мгновение в моем ухе прозвучал голос Вулфа.

– Звонок из телефона-автомата, расположенного в аптеке Таттла в Маунт-Киско. Цитируя доктора Буля, идея о подмене морфина нелепа и фантастична. Что до происхождения таблеток, то доктор сам дал сиделке две таблетки по четверть грана из личных запасов. Продолжать?

– Нет. – Это был не голос, а недовольный рык, как случалось всегда, когда Вулфа прерывали посреди его занятий в оранжерее. – Точнее, да, но сначала еще одно задание в Маунт-Киско. После твоего отъезда я размышлял над загадкой с грелками и, возможно, нашел ответ, а может, и нет. В любом случае попробовать стоит. Навести Пола Файфа и спроси его, что случилось с мороженым. Ты ведь помнишь...

– Да, он купил его в «Шраммсе» для воскресной вечеринки в Маунт-Киско и положил в холодильник в апартаментах Бертрама Файфа. Вы хотите знать, что с ним случилось?

– Хочу. Встреться с ним и узнай. Если он в курсе, расспроси его подробно. Если нет, проверь, не помнят ли чего-нибудь мистер или миссис Таттл, и расспроси их. Если и они о мороженом не вспомнят, тогда уточни это у мисс Горен, когда будешь говорить с ней насчет морфина. Наконец,

если она тоже ничего не знает об этом, найди мистера Эрроу и спроси у него. Я очень хочу знать, что случилось с мороженым.

– Это чувствуется. Скажите мне, почему вас это интересует, чтобы у меня было представление, в какую сторону копать.

– Нет. Держать язык за зубами ты умеешь, но не стоит испытывать твою сдержанность без особой на то нужды.

– Вы совершенно правы, и я глубоко ценю вашу заботу. Таттл здесь, могу я начать с него?

Вулф сказал, что нет, первым должен быть Пол, и повесил трубку. Выйдя из телефонной будки в аптеке и направляясь к агентству недвижимости Пола, я усиленно искал в своем черепе связь между знаменитым манговым мороженым «Шраммс» и грелками в кровати Берта Файфа, но, если она там и была, отыскать ее я не смог. Что, в общем-то, было только к лучшему, потому что я терпеть не могу, когда злоупотребляют моим умением держать язык за зубами.

Пола я нашел на втором этаже старого деревянного строения, над бакалейной лавкой. Его офис занимал всего одну тесную комнатку, где стояло два письменных стола и несколько потертых деревянных стульев, доставшихся Полу, скорее всего, в результате раздела отцовского имущества. За меньшим столом сидела женщина с длинной тощей шеей и большими ушами, раза в два старше Пола. Даже с таким охотником за юбками, как Пол, она была в полной безопас-

ности. Сам Пол, сидящий за вторым столом, не соизволил подняться при моем появлении.

– Вы? – произнес он. – Что-нибудь выяснили?

Я посмотрел на женщину, которая шуршала бумагами. Пол разрешил ей идти домой, и она просто плюхнула на бумаги пресс-папье, после чего удалилась – без единого вежливого слова.

Когда дверь за ней закрылась, я ответил Полу:

– Не выяснил, но выясняю. Мистер Вулф послал меня сюда, чтобы расспросить доктора Буля о морфине и узнать у вас о судьбе мороженого. Вот последнее, что нам известно о мороженом: вы положили его в холодильник в апартаментах вашего брата. Что с ним стало потом?

– Ну вы даете! – Он уставился на меня во все глаза – ну или по крайней мере во весь здоровый глаз. О том, что делает его заплывший глаз, судить было трудно. – А мороженое-то здесь при чем?

– Не знаю. С мистером Вулфом я часто пребываю в неизвестности, но это его автомобиль, его шины и его бензин, и это он платит мне жалованье, так что я согласен делать то, что он попросит. Для вас это тоже самый простой и быстрый образ действий, если только с мороженым не связано ничего такого, о чем вы предпочли бы помалкивать.

– Да нет ничего такого!

– Тогда я даже садиться не стану. Вы привезли мороженое в Маунт-Киско для вечеринки, которая, как вы говори-

ли, намечалась на воскресенье?

– Нет, не привез. Я вернулся сюда только к ночи воскресенья, и мне было не до вечеринки.

– Но на следующий день, в понедельник, вы снова были в Нью-Йорке, чтобы присутствовать на похоронах и еще разок встретиться с мисс Горен. Может, в тот приезд вы забрали мороженое?

– Послушайте, давайте не будем приплетать сюда мисс Горен.

– Как это благородно, – одобрительно отозвался я. – Галантность я уважаю, но что стало с мороженым?

– Не знаю, да и знать не желаю.

– Вы видели его после того, как положили в холодильник в субботу во второй половине дня?

– Не видел. И если хотите знать мое мнение, все это чушь собачья. Уж не знаю, как ваш толстяк Вулф сумел прославиться, но если он все дела ведет таким... Эй, с чего вдруг такая спешка?

Я уже был у двери. Открыв ее, я обернулся, вежливо попрощался:

– Приятно было повидаться с вами, – и ушел.

Вернувшись в аптеку Таттла, я обнаружил, что покупатели там новые, но торговля по-прежнему идет бойко. Блестящий купол Таттла сиял теперь над витриной с косметикой. Поймав его взгляд, я приблизился и попросил его уделить мне пару минут, когда он освободится, после чего отошел к

буфетной стойке и заказал себе порцию молока. В стакане уже показалось дно, когда Таттл окликнул меня, так что я допил все одним глотком и прошел вслед за фармацевтом за перегородку в служебное помещение. Там он облокотился о прилавок и выразил удивление моим приходом.

– У меня несколько поручений в Маунт-Киско, – сказал я Таттлу. – Мне нужно спросить доктора Буля о морфине и узнать у вас о мороженом. С Полом Файфом я уже побеседовал. Вы, наверное, помните, что в субботу днем он купил в магазине «Шраммс» мороженое и отнес его в апартаменты Бертрама Файфа. Там он положил покупку в холодильник, намереваясь забрать, когда поедет домой.

– Я помню, как он рассказывал об этом, – поправил меня Таттл. – И что за вопрос?

– Мистер Вулф интересуется, что стало с этим мороженым. Пол говорит, что не знает. Якобы он не видел свое мороженое с тех пор, как убрал его в холодильник. А вы?

– Я вообще никогда не видел его.

– Мы надеялись, что, может, вы что-то знаете. Ведь вы с женой оставались в апартаментах в ночь с субботы на воскресенье. А утром вашего шурина нашли мертвым, однако вы все равно должны были что-то есть. Я думал, вы могли заглянуть в холодильник в поисках съестного и, значит, могли заметить мороженое.

– Мы заказали завтрак в ресторане, нам принесли его наверх. – Таттл задумчиво хмурился. – В апартаментах нет ни-

каких принадлежностей для готовки. Но теперь я кое-что припомнил. В субботу за обедом Пол упомянул это мороженое. Он сказал, что мороженое, которое я продаю в аптеке, не сравнится с мороженым «Шраммс», и спросил, почему я не торгую у себя этой маркой. Я ответил ему, что продукция фирмы «Шраммс» продается только в ее собственных магазинах и что в любом случае это мороженое слишком дорогое. Потом моя жена вспоминала про это мороженое в воскресенье, когда ходила на кухню за льдом для напитков.

– Вы ели его в воскресенье? Или взяли с собой, когда поехали домой?

– Нет. Я же говорил, что вообще не видел это мороженое. Мы оставались в отеле до понедельника и вернулись домой после похорон.

– Вы не знаете, что с ним стало?

– Не знаю. Наверное, так и лежит в холодильнике. Если только тот парень Эрроу... Но лучше вам спросить у него самого.

– Я так и сделаю. Но сначала, раз уж я здесь, стоит расспросить вашу жену. Она где-то неподалеку?

– Луиза дома, на Айрон-Хилл-роуд. Я могу позвонить ей и предупредить, что вы зайдете, а если хотите, просто поговорите с ней по телефону. Только я никак не пойму, какое отношение имеет это мороженое к смерти Берта. Какая связь?

Мне этот вопрос показался запоздалым, но, с другой стороны, Таттл не кровный родственник, может, поэтому не хо-

тел вмешиваться в семейные дела.

— Понятия не имею, — ответил я. — Я всего лишь выполняю поручение. Давайте свяжемся с вашей супругой по телефону, чтобы я не беспокоил ее дома.

Таттл повернулся к телефону, стоящему тут же на прилавке, набрал номер, сообщил жене, что я хочу кое-что спросить у нее, и вручил мне трубку. Луиза, будучи кровной родственницей, тут же заявила, что это возмутительно — беспокоить их по таким нелепым вопросам, однако после недолгих пререканий рассказала-таки все, что знала, то есть ничего. Она, мол, никогда не видела мороженого, хотя упаковка, кажется, попадалась ей на глаза в воскресенье днем, когда Луиза доставала лед из холодильника. На нижней полке она заметила большой бумажный пакет и, вернувшись в гостиную к мужу и брату Дэвиду, сказала им, что, должно быть, это мороженое Пола, и спросила, не хочет ли кто-нибудь угоститься. Они оба отказались, и внутрь пакета Луиза даже не стала заглядывать. Что стало с ним потом, она не имеет ни малейшего понятия. Я поблагодарил ее, повесил трубку, поблагодарил ее супруга и был таков.

Моей следующей остановкой была Сорок восьмая улица на Манхэттене.

Глава 6

Учитывая ситуацию с местами для парковки, а точнее – полное отсутствие таковых, я давно уже перестал пользоваться машиной, когда у меня были поручения в центре города. Поэтому я съехал с трассы на Сорок шестой улице и повернул в гараж. Можно было бы оттуда позвонить Вулфу с докладом о результатах, но от гаража до нашего особняка рукой подать, так что вместо телефонного звонка я решил отчитаться лично. Дома меня ждал сюрприз: когда я позвонил в дверь, мне открыл не Фриц, а Сол Пензер. На первый взгляд кажется, будто Сол, чей большой нос занимает большую половину узкого лица, без чужой помощи не сложит два и два. На самом деле ему помощь ни в чем не требуется. Он не только лучший из четырех-пяти сыщиков, чьими услугами пользуется Вулф, он вообще лучше всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.